

Архимандритъ СИЛЬВЕСТРЪ.

ГДѢ ИСТИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.

1804.

Гдѣ истинная интеллигенція?

Заблуждается, не зная Писанія,
ни силы Божіей (Матѣ. 22, 29).

I.

Какъ въ свое время Христу Спасителю, такъ теперь Его святой Церкви „современными фарисеями, саддукеями и продіанами“ предлагается много искусительныхъ вопросовъ, дабы ее „уловить въ словѣ“, а затѣмъ и умертвить, распять ее. На эти вопросы современная Церковь, въ лицѣ насъ, ея служителей, не всегда бываетъ способна отвѣчать такъ же искусно, какъ и Спаситель, заставить умолкнуть противную сторону, и часто уловляется въ словѣ. Между тѣмъ, если вдуматься внимательно, вопросы по существу ставятся тѣ же. Взять ли вопросы о существѣ Церкви и ея ученіи, о бракѣ, разводѣ, о свободѣ совѣсти,—во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, съ поразительнымъ сходствомъ ставятся Церкви тѣ же самые вопросы, что и Спасителю, на которые, естественно, слѣдовало бы ожидать и тѣхъ же отвѣтовъ; но искусная и лукавая постановка этихъ вопросовъ часто дѣйствительно способна, особенно на первыхъ порахъ, поставить насъ втупикъ. Напримѣръ, современные Христу Спасителю фарисеи, искушая Его, вопрошали: „по всякой ли причинѣ позволено человѣку разводиться съ женою своею“, добиваясь со стороны Спасителя признанія Моисеева закона о широкомъ правѣ примѣненія раз-

водныхъ писемъ. И теперь Церкви поставленъ также искусительно, съ тою же цѣлью тотъ же самый вопросъ, и конечно, въ концѣ концовъ она отвѣтитъ такъ же, какъ и Спаситель.

Равнымъ образомъ, фарисеи съ продіанами, ненавидѣвшіе римскую власть кесаря, спрашивали Спасителя: „нужно ли платить дань кесарю“? Такой же по существу вопросъ ставятъ Церкви современные искатели полной свободы совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь они добиваются признанія полной свободы пропаганды и проявленія во-внѣ, т. е. въ жизни, для всѣхъ существующихъ въ русскомъ государствѣ исповѣданій и сектъ. Для чего добиваются? Конечно, не для того, чтобы идеи каждаго исповѣданія и секты носились только въ ихъ храмахъ, богослужебныхъ собраніяхъ и въ умахъ ихъ исповѣдниковъ, а для того, чтобы онѣ осуществлялись въ земной жизни. А это неразрывно связано съ нарушеніемъ нашего единаго государственнаго строя и порядка, основанныхъ на ученіи православной Церкви, связано съ отрицаніемъ „кесарева кесареви“, ибо каждое исповѣданіе и секта стремится и хочетъ построить государственную и общественную земную жизнь непременно по своимъ принципамъ и идеаламъ; такъ что, на примѣръ, одинъ государственный и общественный строй будетъ по ученію православной Церкви, другой—по ученію католицизма и, наконецъ, совсѣмъ будетъ отрицаться государственный строй по ученію толстовскому и духоборческому и т. п.

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ тотъ политическій и общественный хаосъ, который неизбежно получился бы у насъ, если бы всѣ религіозныя вѣрованія получили возможность не только свободно исповѣдовать, но и свободно распространять, осуществлять и воплощать свои начала въ области земныхъ отношеній, каждое считая ихъ единственно истинными и желая сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Поэтому можетъ быть лишь свобода вѣрованій и служенія Богу—большая или меньшая, но отнюдь не свобода распространенія и осу-

ществленія вѣрованій. Желая для нихъ именно такой полной свободы, наши искатели свободы совѣсти требуютъ отъ Церкви признанія ея и, такимъ образомъ, въ существѣ дѣла спрашиваютъ ее: „рцы намъ, достоинъ ли даяти (установленный) кинсонъ кесарю или ни?“ Спаситель, какъ извѣстно, разумѣвъ лукавство своихъ совопросниковъ, велѣлъ имъ принести Ему монету съ изображеніемъ римскаго императора и спросилъ: „чей это образъ и написаніе?“—Кесаревъ, отвѣтили Ему. И мы должны спрашивать современныхъ фарисеевъ и продіанъ и вообще, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: какой области коснется, какую сферу затронетъ, нарушитъ свободное проявленіе и осуществленіе того или иного изъ всѣхъ существующихъ вѣрованій въ русскомъ государствѣ въ отдѣльности и вмѣстѣ взятыхъ? Не государственную ли, не кесареву ли? Чей это образъ и написаніе? Они отвѣтятъ: „кесаревъ“ (иного отвѣта дать они не могутъ). Тогда, подобно Спасителю, и мы скажемъ: „итакъ воздадите кесарева кесареви, а Божія Богу“, т. е. воздавайте должное вашему императору и вашему государству и служите Богу по своимъ обрядамъ, но этого предѣла не переходите, не добивайтесь осуществленія своихъ вѣрованій въ жизни государства; иначе получится нарушеніе, невоздаяніе кесарева кесареви, т. е. преступленіе.

Вотъ отсутствіе-то со стороны пастырей Церкви прямыхъ, ясныхъ и точныхъ отвѣтовъ на подобные вопросы и подало, быть можетъ, поводъ въ послѣднее время нашей, такъ называемой, свѣтской интеллигенціи, образованной „по стихіямъ этого міра“, оспаривать у Церкви пальму первенства на право быть „солью земли и свѣтомъ міру“, на титулъ „истинной интеллигентности“, на передовое положеніе и роль въ жизни, на указаніе „новыхъ путей“ къ истинѣ. Составился и получилъ право гражданства взглядъ, по которому не свѣтская интеллигенція должна прислушиваться къ Церкви, а наоборотъ—Церковь къ интелли-

генціи и сообразно ея настроеніямъ и желаніямъ давать отвѣты. Отовсюду на Церковь и духовенство сыплются обвиненія въ неспособности разрѣшать не только собственные вопросы, но и запросы интеллигентнаго общества, обвиненія въ неинтеллигентности, отсталости духовенства отъ общества. Угрожаютъ Церкви даже крушеніемъ и гибелью! Подобныя обвиненія раздаются и на собраніяхъ, и въ свѣтскихъ журналахъ и, что всего прискорбнѣе, находятъ себѣ иногда поддержку среди самого же духовенства, которое начинаетъ вторить въ тонъ интеллигенціи, преклоняется предъ ея сужденіями и желаніями, забывая „объ единомъ на потребу“, и доказываетъ, что интеллигенція имѣетъ преимущественное право на вниманіе и на роль учительницы для Церкви: эта послѣдняя должна учиться у той, а не наоборотъ. Къ намъ,—говорятъ вслѣдъ за интеллигентами нѣкоторые отцы,—предъявляютъ запросы, отъ насъ ждутъ слова, а мы не можемъ сказать этого слова, не идемъ на встрѣчу движеніямъ общественной мысли и молчимъ. Главными причинами этого молчанія обыкновенно указываются: отрицательное отношеніе Церкви къ наукѣ и искусству, гдѣ вѣщается много „новой истины“, и незнаніе и нежеланіе знать текущее направленіе и теченіе мысли въ литературѣ философской и художественной, гдѣ опять-таки вѣщается много новаго, невѣдомаго для Церкви.

Что Церковь часто молчитъ на предъявляемые ей интеллигенціей вопросы, этого мы не отрицаемъ, но только отнюдь не по указаннымъ причинамъ, которыя суть ни что иное, какъ недобросовѣстная клевета на Церковь, уже нашедшая себѣ отповѣдь въ богословской литературѣ *). Съ своей стороны мы замѣтимъ, что Церковь все „дѣйствительно цѣнное“ въ наукахъ и искусствѣ воплощаетъ прежде всего у себя же. Такъ, она всегда стремилась и стремится прежде всего

*) См. напр. въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1903 г. (май) прекрасную статью проф. Кудрявцева: „Къ вопросу объ отношеніи христіанства къ язычеству“ и др.

самый богослужебный строй свой создать такъ, чтобы здѣсь находили свое полное выраженіе всѣ три главныя стороны безсмертнаго человѣческаго духа: истина, добро и красота. Церковь воплощаетъ ихъ и въ стилѣ храмовъ, и въ церковно-религіозной живописи, и въ священнѣхъ дѣйствіяхъ, и въ пѣніи, и въ проповѣди. Вотъ почему мы чувствуемъ себя какъ бы на небѣ въ святой Софіи константинопольской, въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ храмѣ Христа Спасителя, въ кіево-Владимірскомъ соборѣ, восторгаемся живописью Васнецова и Нестерова, наслаждаемся краснорѣчивою проповѣдью, касающейся разныхъ сторонъ и вопросовъ современной жизни и мысли человѣческой съ точки зрѣнія Слова Божія, пѣніемъ синодальнаго хора или придворной капеллы.

Современное теченіе и направленіе мыслей въ литературѣ Церкви тоже прекрасно извѣстно. Для этого не нужно знать все, что говоритъ или пишетъ въ отдѣльности тотъ или другой; достаточно знать общее направленіе и духъ свѣтской литературы у лучшихъ ея представителей, а это Церкви, повторяемъ, прекрасно извѣстно. У современной интеллигенціи, образованной и воспитанной односторонне, исключительно на „премудрости міра сего“, часто глубоко отличной отъ „премудрости Божіей, тайной и сокровенной для міра“ (I Кор. 2, 7), естественно составилось своеобразное и неправославное рѣшеніе многихъ вопросовъ вѣры и жизни, отвѣтъ на которые давно уже имѣется въ Церкви, руководящейся божественною премудростію, заключенною въ Слово Божіе. Таковы всѣмъ извѣстные своеобразные полужыческіе взгляды современной свѣтской интеллигенціи на плотъ и духъ, на догматы, на бракъ и разводъ, на свободу совѣсти и др.

Что говорятъ, чего желаютъ выразители этихъ взглядовъ, Церковь отлично знаетъ. Они желаютъ и требуютъ, чтобы Церковь пошла въ рѣшеніи указанныхъ вопросовъ по предлагаемому ими пути, „по стихіямъ и духу этого міра, а не по Христу“; въ такомъ

смыслѣ они ставятъ вопросы Церкви и въ томъ же смыслѣ ждуть отъ нея отвѣтовъ, заранѣе увѣренные въ своей истинѣ, превосходствѣ и правотѣ, предлагая уже и готовый проектъ рѣшенія. Что это такъ, красно-рѣчиво показываетъ то, какъ встрѣчаютъ эти господа желанія духовенства идти на встрѣчу имъ. Мысли, напр., выраженные однимъ духовнымъ писателемъ *), о необходимости духовенству идти на встрѣчу запросамъ интеллигенціи во имя единенія религіи и культуры они называютъ лишь „подчиеткой“, „побѣлкой“, „частнымъ ремонтомъ Церкви“, „одними воздыханіями“ и требуютъ капитальнаго ремонта Церкви по смѣтѣ, составленной интеллигенціей. При этомъ вмѣсто признательности духовному автору за его благія намѣренія они позволяютъ себѣ неприличные и неумѣстные выраженія по его адресу. Вотъ какъ эти господа встрѣчаютъ нашу искреннюю готовность слушать ихъ и идти на встрѣчу имъ! Чѣмъ больше мы соглашаемся съ ними, тѣмъ больше они требуютъ отъ насъ и тѣмъ дальше заходятъ. Мы ни пяди не должны уступить имъ.

Можетъ ли поэтому Церковь вступить на предлагаемую ей интеллигенціей дорогу и идти по ней, раздѣлять эти чуждые ей „новые“ принципы и начала, признать и освятить ихъ, какъ того желаетъ интеллигенція? Конечно, нѣтъ. Церковь знаетъ, что, вступивъ на эту дорогу, освятивъ ее, можно „упразднить крестъ Христовъ“ (I Кор. 1, 17). И вотъ одна изъ причинъ, почему Церковь молчитъ на предлагаемые ей въ этомъ родѣ запросы.

Другой вопросъ, слѣдуетъ ли Церкви пребывать въ этомъ молчаніи? Отнюдь не слѣдуетъ, ибо это молчаніе противною стороною принимается за признакъ слабости, трусости и неспособности. Если Церковь нѣкоторое время, молчитъ, то это ничего, ибо сразу не всегда можно найтись и дать надлежащую отвѣдь, но въ

*) „Богословскій Вѣстникъ“, ноябрь 1903 г.

концѣ концовъ Церковь должна возвысить свой голосъ. Молчаніе будетъ здѣсь и преступно, и опасно для самой Церкви. Мы уже не говоримъ о томъ, насколько болѣе преступно и опасно въ данномъ случаѣ соглашаться, вторить въ тонъ противной сторонѣ.

Но иногда Церковь и хотѣла бы говорить по поводу этихъ вопросовъ, но ея не хотятъ слушать противники; лишь только она заговоритъ самостоятельно, не въ тонъ имъ; ее осыпаютъ градомъ ругательствъ и насмѣшекъ. И тогда Церковь, сдѣлавъ попытку, поневолѣ молчитъ. Это—другая причина молчанія на такъ называемые запросы интеллигенціи.

Итакъ, Церковь отлично знаетъ современные запросы интеллигенціи, теченія и вѣянія въ наукѣ и литературѣ и уже откликается на нихъ: отвѣчающіе есть, и ихъ немало. Такъ, напримѣръ, современные отрицательные литературные типы нашли себѣ основательную критику и оцѣнку прежде всего въ богословской литературѣ *). Если же Церковь иногда и молчитъ, то не потому, что не знаетъ этихъ запросовъ, а потому, что не хочетъ становиться на иную, предлагаемую ей дорогу и измѣнять своему призванію, и желаемые въ этомъ смыслѣ отвѣты давать категорически отказывается; затѣмъ потому, что ея не желаютъ слушать и не дають говорить ей и потому, наконецъ, что она обдумываетъ и взвѣшиваетъ поставляемые ей лукавые вопросы. Иногда, конечно, не находится сразу и лицъ, способныхъ дать надлежащіе отвѣты; иногда молчаніе можно поставить и въ счетъ нашей косности, безпечности и излишней увѣренности въ себѣ и въ неизмѣнной прочности церковнаго дѣла.

*) См. напр. „Вѣра и Разумъ“ 1903 г. № 5-й; 1904 г. №№ 1-й и 2-й — статьи іеромонаха Георгія и П. Н. Щукина. „Душеполезное Чтеніе“ 1903 г. сентябрь и слѣд. — статья свящ. Н. А. Колосова и мн. др.

II.

Можно еще подвергнуть сильному спору вопрос о томъ, кто въ комъ больше нуждается, кто и къ кому обязанъ больше прислушиваться, кто имѣеть большее право на титулъ истинной интеллигенціи въ настоящее время: современное духовенство или „именуемая интеллигенція“, объявившая монополію на обладаніе этимъ титуломъ? „Именуемая интеллигенція“ ставитъ себя на пьедесталь, утверждаетъ, что Церковь и духовенство отстали отъ нея, что они обязаны принять и раздѣлять ея взгляды и желанія. Мы же категорически утверждаемъ, что въ настоящее время громадное большинство нашей такъ называемой интеллигенціи настоятельно нуждается въ „оглашеніи здравымъ ученіемъ вѣры“, котораго она (интеллигенція) не знаетъ, въ ознакомленіи съ исторіей Церкви и съ церковною жизнью и литературою вообще, хотя бы въ самомъ элементарномъ богословскомъ образованіи, чтобы имѣть законное право на титулъ „истинной интеллигенціи“; мы утверждаемъ, что монополію на этотъ титулъ интеллигенція предвосхитила себѣ незаконно.

Указываютъ на то, что прежде церковная жизнь была ключемъ, кипѣла и проникала всѣ сферы жизни, а теперь—нѣтъ, и въ этомъ даже духовные писатели склонны обвинять опять-таки Церковь, что она-де не знаетъ интеллигентнаго міра, его идеаловъ и запросовъ. Это неправда. И здѣсь вина не Церкви, а самой интеллигенціи, которая идетъ въ разрѣзъ съ Церковью.

Что прежде церковная жизнь кипѣла, а нынѣ она мертва, мы съ этимъ вполне согласны,—но почему это? Потому что прежде всѣ безъ различія считали Церковь своею матерью и главною учительницею жизни, всегда прислушивались къ ея голосу, всегда шли на зовъ ея и—что самое главное—знали, понимали и признавали небесную, духовную („загробную“ по выраженію нашихъ интеллигентовъ) сторону Христова ученія, разсматривали ее, какъ основу и оправданіе виѣшной, зем-

ной жизни и благополучія. Прежде всё жили церковною жизнью. Теперь же „именуемая интеллигенція“ учительнаго авторитета Церкви не признаетъ, слушать ея не хочетъ, въ обладаніи ею истиной сомнѣвается, церковною жизнью не живетъ, духовную сторону христіанства или прямо отвергаетъ, или же не понимаетъ ея и считаетъ маловажною. Нынѣ у христіанства отняли его духовную сторону, свели его къ бездушной морали, къ внѣшности, къ устроенію земной практической жизни безъ духовной, забывая о томъ, что „прежде всего нужно искать царствія Божія и правды его, чтобы приложилось все остальное“, устроить свою душу, что царство Христово не отъ міра сего, что оно прежде всего духовное, „внутрь насъ находящееся“. Современная интеллигенція забываетъ, что подобныя же социальныя, земныя воззрѣнія іудеевъ на Мессію и царство Его привели ихъ къ распятію Спасителя, какъ Сына Божія, и не замѣчаетъ, что она уподобляется іудеямъ въ своихъ стремленіяхъ. Отсюда — холодность интеллигенціи къ Церкви и къ церковной жизни, гдѣ духовная сторона—альфа и омега всего, отсюда—мертвость церковной жизни, требованія отдѣленія Церкви отъ государства, какъ души отъ тѣла и пр., — все это отсюда становится понятнымъ. И не вина Церкви, что наша интеллигенція утратила знаніе и пониманіе духовности христіанства, „оставила первую любовь“ и сдѣлалась теплохладной къ Церкви. Говорятъ о какомъ-то отдаленномъ „загробномъ идеалѣ“! Да вѣдь въ этомъ-то загробномъ идеалѣ, какъ основѣ „правды о землѣ“, земного счастья и благополучія, вся суть и заключается, въ немъ-то и нуждается современная интеллигенція. Земная наша жизнь должна быть постепеннымъ приближеніемъ, шествіемъ къ этому идеалу, образомъ, тѣнью его. Будетъ сказано это слово о загробномъ идеалѣ, т. е. о духовности христіанства, — тѣмъ самымъ будетъ сказано и слово „правды о землѣ“. Еще болѣе страннымъ представляются увѣренія, что Церковь „учитъ только

умѣть умирать, а не жить"! Очевидно, что духовная сторона Христова ученія, называемая „интеллигентами“ „загробнымъ идеаломъ“, для нихъ совсѣмъ и не существуетъ, или во всякомъ случаѣ она, по ихъ мнѣнію, несущественна для земной жизни, для правды о землѣ.

Далѣе еще говорятъ: „отъ насъ, т. е. отъ духовенства, интеллигенція ждетъ слова, требуетъ его“. Если отъ насъ интеллигенція требуетъ этого, то мы и должны сказать ей это именно слово о духовности христіанства: „ищите прежде царствія Божія и правды его, а все остальное приложится вамъ“; царствіе Божіе внутри васъ есть“; оно есть прежде всего „праведность, радость и миръ о Дусѣ святѣ“. Это именно слово неумолкаемо должны мы вѣщать интеллигенціи и никакое другое.

Что говоритъ слово Божіе, что повелѣваетъ Богъ, мы должны говорить, а не то, что желаетъ слышать интеллигенція, не то, что нравится этому міру, не приспособляться къ нему должны мы. Такъ по св. апостолу Іоанну Богослову поступаютъ лжеучители, „которые говорятъ по духу этого міра и потому міръ слушаетъ ихъ“, и они имѣютъ у міра быстрый успѣхъ. Мы же говоримъ не то, что желательно міру, не по духу его, и потому ненавидитъ насъ міръ (I Іоан. 4, 5 и Іоан. 15, 19). Но въ томъ-то и горе наше, что въ самомнѣніи и въ сознании своего мнимаго превосходства предъ духовенствомъ интеллигенція совсѣмъ не желаетъ слышать этого слова отъ Церкви и потому и въ церковь не ходитъ; наоборотъ, она хочетъ Церковь переучить по своему, на свой ладъ, что такъ краснорѣчиво и обнаруживаютъ вожди того направленія, о которомъ идетъ рѣчь. И если бы, отъ чего избави Богъ, мы стали производить капитальный ремонтъ Церкви по плану и смѣтѣ нашей интеллигенціи, то отъ Церкви не осталось бы подлинно камня на камнѣ, Крестъ Христовъ тогда подлинно упразднился бы.

Поэтому поставленный выше вопросъ, кто больше въ комъ нуждается и обладаетъ ли „именуемая интеллигенція“ „истинной интеллигентностью“, становится яснымъ. Мы — духовенство — часто бываемъ склонны слишкомъ униженно смотрѣть на себя и думать о себѣ, мало цѣнить свое; мы сразу какъ-то преклоняемся предъ сужденіями другихъ. Если это — смиреніе, то смиреніе неумѣстное: нельзя молчать тамъ, гдѣ нужно громко говорить. Если же это — неувѣренность въ себѣ и въ своемъ служеніи и призваніи, то еще хуже. Въ дѣйствительности же современное духовенство въ своей общей массѣ не только не меньшая, но большая интеллигентная сила, нежели современная свѣтская интеллигенція. Въ самомъ дѣлѣ, наше духовенство обладаетъ общимъ образованіемъ и начитанностью отнюдь не меньшими, если не большими, чѣмъ свѣтская интеллигенція, получившая общее образованіе въ гимназіяхъ; многіе же именуемые интеллигенты не прошли и средней школы. Во всякомъ случаѣ въ отношеніи къ общему образованію между духовенствомъ и интеллигенціей можно поставить полный знакъ равенства. Но при этомъ равенствѣ наше духовенство обладаетъ весьма солиднымъ плюсомъ, котораго не имѣетъ интеллигенція (за немногими исключеніями) и который ставитъ духовенство выше послѣдней: плюсъ этотъ — знаніе Священнаго Писанія, исторіи Церкви и святоотеческой литературы. Въ этой важнѣйшей области человѣческаго вѣдѣнія почти вся наша интеллигенція поголовно невѣжественна. Гдѣ же превосходство современной интеллигенціи передъ духовенствомъ? Его нѣтъ. Современная свѣтская интеллигенція не знаетъ Св. Писанія и потому заблуждается, не понимаетъ божественнаго духа христіанства и православной Церкви, содержащей это ученіе.

III.

Наша интеллигенція обычно беретъ отдѣльные мѣста и отрывки изъ Св. Писанія, вѣвъ связи съ цѣлымъ, и возводитъ ихъ въ произвольныя и ложныя системы по

своему вкусу, напрасно присвоивающія себѣ названіе подлинно христіанскихъ. Истиннымъ интеллигентомъ, можетъ быть названъ лишь тотъ, кто съ общимъ образованіемъ соединяетъ въ себѣ основательное знаніе Слова Божія и церковной жизни въ ея исторіи и въ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ этомъ именно и состоитъ истинная интеллигентность. Кто не знаетъ Слова Божія и Церкви, тотъ, какъ бы онъ ни былъ образованъ въ другихъ отношеніяхъ,—ненастоящій, неполный, односторонній интеллигентъ или, лучше сказать,—полуинтеллигентъ и права на званіе интеллигента не имѣетъ. Духовенство указанному условію удовлетворяетъ, „такъ называемая интеллигенція“—нѣтъ, и поэтому истинной интеллигентностью она не обладаетъ и право на это наименованіе присвоила себѣ незаконно. Истиннымъ интеллигентомъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, является наше духовенство съ высшимъ и среднимъ богословскимъ образованіемъ, то-есть громадное большинство его. Это — великая интеллигентная сила. Духовенство всегда являлось у насъ знатокомъ и хранителемъ религіозной истины, проводникомъ ея въ жизнь, защитникомъ государственныхъ началъ и двигателемъ національнаго сознанія и патріотическаго чувства. Такъ и въ настоящую русско-японскую войну общимъ и основнымъ источникомъ и двигателемъ патріотическаго чувства является наша Церковь. Поэтому въ настоящее время свѣтская интеллигенція нуждается въ услугахъ духовенства и Церкви, а не наоборотъ, интеллигенція должна учиться у Церкви, а не наоборотъ. Поэтому, далѣе, можно только привѣтствовать расширеніе программъ Закона Божія въ нашихъ среднихъ свѣтскихъ школахъ и заботы нашего правительства о религіозно-нравственномъ образованіи и воспитаніи свѣтской молодежи. Нужно пожелать, чтобы Библия и церковная исторія основательно изучались въ нашей средней свѣтской школѣ. Тогда изъ нея будутъ выходить „дѣйствительные интеллигенты“, и жизнь церковная оживится и закипитъ.

Когда наша интеллигенція путемъ изученія Слова Божія пойметъ духовную сторону ученія Христова, ея тѣсною связью и отношеніемъ къ землѣ и земли къ ней, когда она пойметъ необходимость устроения царствія Божія сначала внутри себя, чтобы оно обнаружилось и вовнѣ, пойметъ смыслъ подвига, святости, короче говоря: когда она будетъ ясно различать въ ученіи Спасителя двѣ тѣсно между собою связанныя области: потустороннюю—небесную и посюстороннюю — земную, тогда она пойметъ и полюбитъ и св. Церковь со всѣми ея установленіями и будетъ стоять за тѣсный союзъ неба съ землею: Церкви съ государствомъ; тогда все земное, достойное освященія, будетъ освящено, а все недостойное, нечистое—отброшено, изгнано вонъ; пшеница будетъ отобрана, а плевелы—сожжены; правда о землѣ будетъ ясна, какъ день. Скорѣйшаго осуществленія этого идеала нужно пожелать тѣмъ болѣе, что только при этомъ условіи мыслима здоровая, спокойная и правильная общественная и государственная жизнь и устраненіе всѣхъ волнующихъ ее въ настоящее время золь и нестроений. Обвиненія же въ отсталости и пр., предъявляемыя теперь интеллигенціей къ духовенству, и голословны и прямо-таки недобросовѣстны. Мы дѣйствительно отстаемъ, но только отъ религіозной лжи и заблужденій интеллигенціи; а такая отсталость и похвальна и завидна. Все же „дѣнное“, не посягающее на религіозную истину, мы охотно беремъ отъ интеллигенціи; но она не платитъ намъ тою же монетою.

При существующихъ же отношеніяхъ интеллигенціи къ Церкви, а именно: пока Церковь для нашей интеллигенціи еще не составляетъ „столпа и утвержденія истины“ и пока чаянія, и стремленія, и запросы интеллигенціи заходятъ такъ далеко за границу, что сомнѣваются въ прочности и устойчивости этого столпа по существу и хотятъ поколебать и перестроить его по своему вкусу и плану,—никакая совмѣстная работа интеллигенціи съ Церковью на благо человѣчества невоз-

можно, никакого единения религіи съ „культурой“ такого рода быть не можетъ. Ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта съ тьмой? Какое согласіе между Христомъ и веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? Какая совмѣстимость храма Божія съ идолами (2 Кор. 6, 14—16)?

Въ то время, какъ наши интеллигенты гордо возстаютъ на Церковь и препираются съ нею относительно обладанія истиной, подобно древнимъ лжеучителямъ, „мытари и простецы“ могутъ предварить ихъ въ царствіи Божіемъ. Мы, напримѣръ, увѣрены, что московскіе рабочіе, слушающіе теперь систематическіе курсы богословскіе и церковно-историческіе въ связи съ общеобразовательными въ аудиторіяхъ Историческаго музея и епархіальнаго дома въ Москвѣ, будутъ скоро гораздо „интеллигентнѣе“ многихъ и многихъ нашихъ „сущихъ“ интеллигентовъ. Не даромъ эти курсы такъ упорно и замалчиваются нашей либеральною печатью, закрывающей глаза на ихъ великое значеніе въ исторіи просвѣщенія русскаго народа.

Теперешнія же богословствованія нашей интеллигенціи суть только лишь первичныя, грубыя формы пробудившагося религіознаго знанія и сознанія, для которыхъ нужно еще много, чтобы достигнуть до степени истинно-богословскаго знанія и православно-кафолическаго церковнаго сознанія. „Господь знаетъ уместованія мудрецовъ, что они суетны и что мудрость міра сего есть безуміе предъ Нимъ“ (1 Кор. 3, 19—20). Но и эта религіозная жажда, и эти необходимыя первичныя проблески и формы религіознаго сознанія и знанія—великое знаменіе времени и великое начало для религіозно-церковнаго просвѣщенія нашей „мірской интеллигенціи“.

Ректоръ кутаисской духовной семинаріи

Архим. Сильвестръ.

Извлечено изъ журнала «Церковный Вѣстникъ», 1904 г.

Типографія М. МЕРКУШЕВА. Невскій, 8.